

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО**, **А. БОЛОТНИКОВА**,
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛИДИНА**, **И. СЕЛЬВИНСКОГО**, **А. СЕЛИВАНОВСКОГО**,
М. СУБОШКОГО, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСИЕВИЧ**.

№ 6 (497)

Среда, 30 января 1935 года.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

1

Письма Чехова к О. Л. Книппер занимают особое место в эпистолярном наследии писателя не только ввиду недостаточной изученности освещаемого ими периода жизни Чехова. Самый характер этих писем выделяет их из знакомой нам по прежним публикациям чеховской переписки. Письма, собранные в первом томе, охватывают период с середины 1899 г. по конец 1901 г.; это письма к будущей жене, письма, окрашенные большим и глубоким чувством, письма любви. Они вводят в эпистолярное наследие Чехова почти отсутствовавший в нем мир интимных чувств.

Но переписка между Чеховым и Книппер выходит далеко за пределы личных тем. Переписка Чехова и Книппер представляет собой своеобразный двойной дневник великого писателя и выдающейся актрисы. Это монтаж документов, сквозь лирическую оболочку которых проступают любопытные черты эпохи.

2

Письма О. Л. Книппер Чехову — это летопись молодого Художественного театра. Они содержат немало интересных деталей, освещающих творческую атмосферу Художественного театра. Но основную ценность переписки Чехова с Книппер по театральным вопросам представляет богатейший материал для раскрытия еще весьма плохо изученных взглядов Чехова на театр и природу театрального искусства. Особенное значение имеют те высказывания Чехова о театре, которые позволяют по-новому подойти к основным вопросам чеховской драматургии. В этом плане исключительный интерес представляет отзыв Чехова об игре В. Э. Мейерхольда (тогда артиста Художественного театра) в гауптмановских «Одиноких».

«Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть таким резким в изображении нервного человека. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где — на улицах и в домах — вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, то-есть не ногами, не руками, а тоном, взглядом, не жестиком, а грацией».

Одним из элементов этой чеховской «грации» был юмор. Не потому ли в письмах Чехова по поводу постановок его пьес на сцене Художественного театра мы встречаемся с непрестанными опасениями по поводу выпадения этого представлявшегося Чехову органически необходимым элемента спектакля?

«Не делай печального лица», «хоть изредка улыбайся», — таковы его настойчивые советы Ольге Леонардовне как исполнительнице роли Маши в «Трех сестрах». Чехов мечтал о своеобразном «облегченном» исполнении своих пьес, об освобождении сцены от той «жестикомации», в которой он усматривал ложь.

3

Другая тема переписки — литература. В письмах Чехова — в пределах выпущенного первого тома — эта тема представлена сравнительно бедно. Зато в письмах Ольги Леонардовны немало ценных указаний на отношение к Чехову со стороны крупнейших писателей современников. Особенный интерес представляют факты, характеризующие «треугольник корифеев»: Чехов—Толстой—Горький.

Внимание, с которым Толстой следил за творчеством Чехова, общезвестно. В письмах О. Л. Книппер историк литературы найдет новые подтверждения высокой оценки Чехова Толстым.

«Толстой, — сообщает Ольга Леонардовна в декабре 1900 г., — очень жалеет, что не пришлось повидаться с тобой. Говорил о тебе, что никогда еще не случалось, чтобы он не мог дочитать до конца что-либо из твоих

произведений, одним словом, что любит тебя как писателя, что может иногда не соглашаться с тобой, но всегда все читает».

Взаимоотношения Толстого и Чехова не раз уже были предметом внимания критиков и литературоведов. Но тема Чехов—Горький далеко еще не раскрыта. Обычно она трактуется весьма односторонне — Чехов как учитель начинающего Горького. Но взаимоотношения между Чеховым и Горьким были бесспорно сложнее. Если Чехов сыграл известную роль в формировании горьковского мастерства, то Горький в свою очередь вошел некоторыми сторонами своего творчества в писательский труд Чехова.

Эта горьковская струя в последних произведениях Чехова еще не исследована.

Имя Горького часто упоминается в переписке Чехова последнего периода. С своей стороны, О. Л. Книппер зафиксировала отношение Горького к Чехову в примечательных и ярких эпизодах. В частности, весьма любопытно сообщение Книппер о Горьком в роли популяризатора чеховского творчества среди крестьян. В письме от 4 сентября 1900 г. О. Л. Книппер пишет:

«Горький сидит у нас на репетициях, слезы льет от умиления. Третьего дня он обедал у нас, очаровал всех, много рассказывал, говорил много о себе, говорил, как летом читал крестьянам твой рассказ «В овраге» и какое было сильное впечатление. Горький даже прослезился при воспоминании. И с каким любопытством и любовью крестьяне смотрели на твою фотографию и как всхлипывали при чтении. А читал он на берегу Псла, в лесу...»

4

В посмертных произведениях Чехова есть несколько замечательных страниц, пронизанных глубокой и волнующей любовью к жизни. Это — отрывок, соединивший мастерство Чехова-беллетриста с неповторимым очарованием его писем. Гимн во славу жизни, который слагает кроткий калека Игнатий Баштанов в обойденном вниманием исследователей отрывке, принадлежит к вершинам чеховских вдохновений.

«Меня томит жажда жизни, и я бегу отсюда, где ее нет, или где она строена не на мой вкус».

Эти строки из отрывка могли бы служить выразительным эпитафием к творческой биографии Чехова. Дружившие с молодым Чеховым писатели считали его «счастливец». Быстрый успех приписывали они не только таланту Чехова, но и фортуне. Но те, кто называли Чехова «Потемкиным», едва ли подозревали о внутреннем напряжении, о непрерывности творческого труда, о страстном искательстве жизни (искательстве, а не только ее наблюдении о всем том, что составляло характерные черты писательской лаборатории Чехова и что так заботливо и искусно скрывалось им от посторонних глаз.

Чехов выработал сложную систему постоянного обновления своего запаса писательского фонда. Уборные актеров и психиатрические лечебницы, конские заводы и салоны, ночные чайные и железнодорожные станции, книги и хроника провинциальных газет, кладбищенские эпитафии и письма друзей (будущий исследователь установит любопытнейшие черты вовлечения адресованной Чехову корреспонденции в круг использованных им материалов) — таковы объекты наблюдений Чехова или источники, питающие дар чеховского вымысла.

И вот все как будто оборвалось — почти все. Оказалось, что жить осталось совсем немного. И существование, подчинявшееся засекреченному от посторонних труду, подчинилось болезни, которую врачи безуспешно пытались засекретить от больного. В жизнь Чехова вошел «Чортков остров» и «парикмахерский город» — Крым и Ялта. Чехов умирал.

Он все чаще сетовал на то, что «ялтинская ссылка» суживает сферы его писательских наблюдений, что «жизнь проходит мимо». С выскальчиваемостью замечательного художника критиковал он свои написанные в «парикмахерском городе» вещи (а это были такие шедевры, как «В овраге», и «Дама с собачкой»), называя их в письмах к О. Л. Книппер вариантами уже использованных тем.

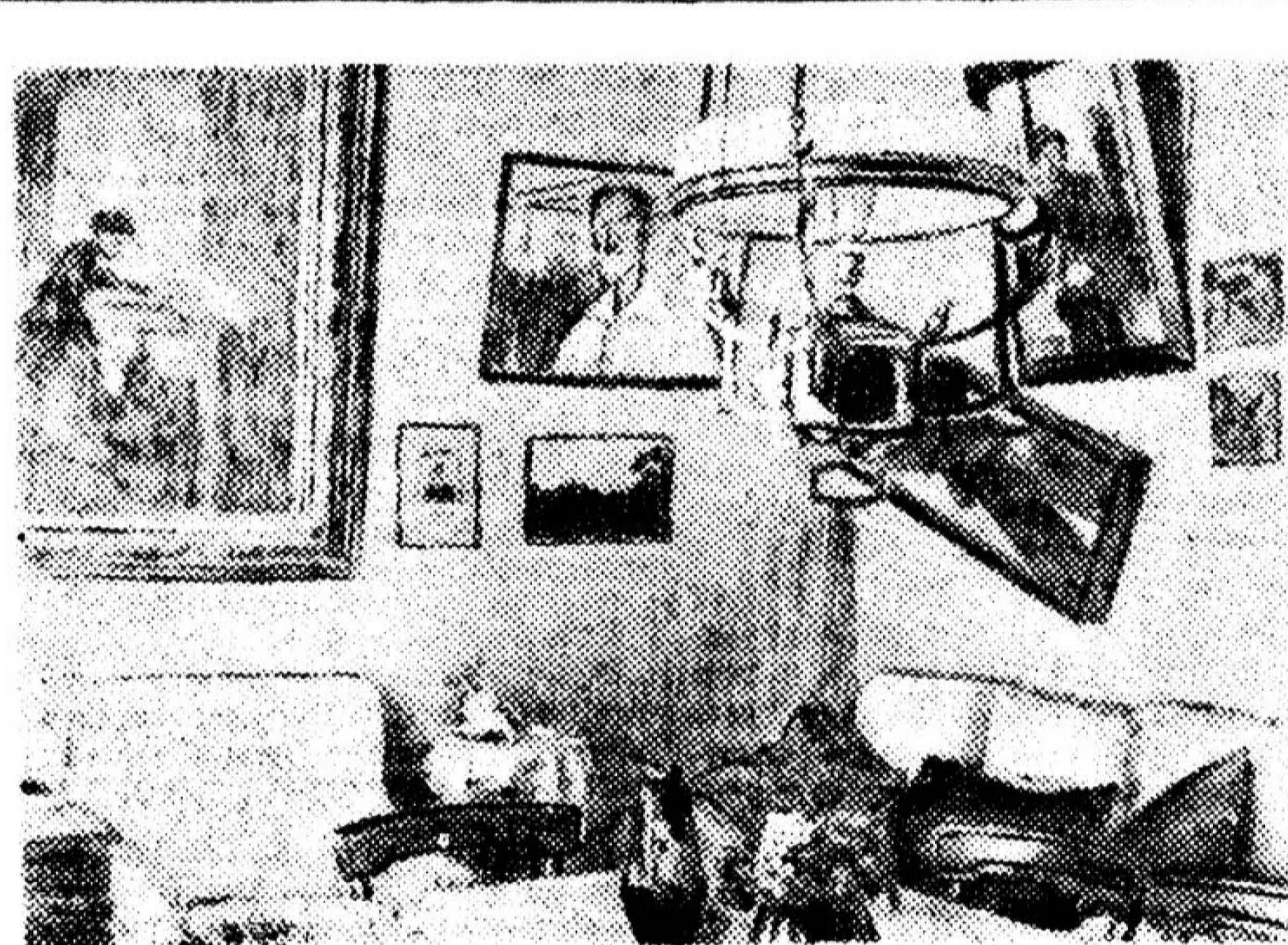
Предъявляя писателям требование разнообразия, Чехов в то же время признавал единственно полноценным лишь материал, добытый путем непосредственных наблюдений жизни.

Ялтинский кабинет приостановил процесс обновления писательского фонда Чехова. Чем резче скакала кривая на температурных листках Чехова, тем настойчивее овладевали им мечты о путешествиях. Письма к О. Л. Книппер полны географических названий. Нил и Соловки, Чикаго и Шпицберген — таковы были планы путешествий, которым сопутствовали замыслы новых произведений.

Но путешествия остались неосуществленными, рассказы и пьесы — ненаписанными.

В этой все возрастающей в последние годы творческой тревоге Чехова есть подлинное величие. Писатель умирал. Но жаждал он не продления того, что есть, а завоевания нового — новых стран, людей, чувств и форм.

А. РОСКИН

Домик А. П. Чехова в Ялте. Столовая.